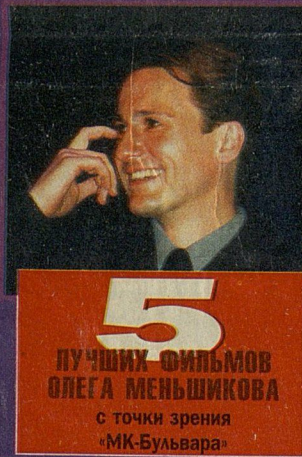

«Такие картины делают только люди, сбежавшие в Тель-Авив или Америку! Вы с Зориним не можете сказать: «Долой Красный Кремль!» — и делаете такие картины! Я посмотрел эту мерзость: вы извратили образ фронтовика! Это все ужасающая пошлость!» — гремел с пеной у рта останкинский телецарь Лапин. Но Михаил Козаков оказался не робкого десятка и позволил себе вступить в диалог. Лапин: «Это какой-то Зошенко!» Режиссер: «Почему «какой-то»? Чиновник побарговел: «По-вашему, что, со времен Зошенко ничего не изменилось?»

5
ЛУЧШИХ ФИЛЬМОВ
ОЛЕГА МЕНЬШИКОВА
с точки зрения
«МК-Бульвара»

- 1 «Утомленные солнцем» (1994), реж. Никита Михалков
- 2 «Полеты во сне и наяву» (1982), реж. Роман Балаян
- 3 «Покровские ворота» (1982), реж. Михаил Козаков
- 4 «Родня» (1981), реж. Никита Михалков
- 5 «Кавказский пленник» (1996), реж. Сергей Бодров

НАТЮРИХ, МИХАЛ МИХАЛЫЧ!

Лучший фильм Козакова коллеги называли нужником

Наталья БОБРОВА

Конечно, Козаков прекрасно знал, что именно изменилось. И поэтому в 82-м мог более успешно, чем его коллеги в 62-м, отстаивать свое произведение. К чести режиссера, он не внес ни одной серьезной поправки в ткань телефильма (за исключением того, что в одной из сцен исчез портрет Сталина). Например, тот же Лапин был очень возмущен полотном с обнаженной натурой (его припер домой как трофей тот самый нестандартный фронтовик Савва — Виктор Борцов). Но дамочка осталась-таки на своем законном месте! Правда, в результате этого противостояния фильм получил вторую категорию и на год застрял на пресловутой «полке»...

Но потом неприязнительная вроде бы комедия о милых москвичах-простаках в отдельно взятой «вороньей слободке» вдруг стала просто шлягером. Половина аудитории (более юная) с удовольствием узнавала себя в задорном соблазнителе Костике (первая достойная роль в кино **Олега Меньшикова**), другая половина (более зрелая) сладостно вспоминала «роскошь» былого коммунального общения. В одних бушевали гормоны, другие ностальгировали не столько по времени и пространству, сколько по красоте и чистоте чувств, элегантности, интеллигентности, артистичности 50-х. И вообще тогда

«фонтаны били голубые и розы красные цвели...»

Автор сценария, написанного по пьесе (она шла под тем же названием с 74-го года в Театре на Малой Бронной), писатель **Леонид Зорин** открыл мне «ужасный секрет»:

— Это история чисто автобиографическая. Я описал свой приезд в Москву в начале 50-х. Но жил я не на Покровском, а на Петровском бульваре. Еще совсем недавно все мои соседи были живы. Я придумал только тетку. Вместо нее была моя хозяйка. Сегодня, когда в живых остался только «Костик», могу признаться. Раньше надо было соблюдать некоторую деликатность. Конечно, я не был столь пленителен, как молодой Меньшиков, но тип у нас одинаковый — мы оба южные брюнеты.

Кстати, именно на главную роль оказалось труднее всего подобрать актера. Совет посмотреть Меньшикова Козакову дала его тогдашняя супруга Регина. Пробы оказались более чем удачные. Но тут возникла новая проблема. Меньшикову предстояло в то же время сниматься у **Райзмана** в «Частной жизни».

— Я написал Райзману письмо, — вспоминает Зорин, — где взмолился: «Мой дорогой друг! Отпустите его!». И он с королевской щедростью отпустил Олега.

То, что картина прошла испытание временем, радует и оператора **Николая Немоляева**. Однако он пом-

нит и то, как в штывы у коллег была принята картина по выходе. Многие упрекали авторов в пошлости. Один очень известный мэтр заявил: «Это не кино, а нужник!». Да и **Марк Захаров** обмолвился: «После «Безымянной звезды», действительно хорошей вещи, это понижение планки...»

— Картину нужно рассматривать в своем жанре, — утверждает Немоляев. — Нельзя сравнивать «Покровские ворота» с «Гамлетом».

А старейшего мастера по спецэффектам **Виктора Жанова** режиссер завлек другими интересными задачами. Ведь это усилиями Виктора Ивановича и его помощников так красиво рушится в начале фильма стена — рапидная (замедленная) съемка, 72 кадра в секунду! Кстати, ломали тогда вовсе не жилой дом, а старый кинотеатр на Садовом кольце. Кстати, дом у Покровских ворот на самом деле был «прописан» в кропоткинских переулках. Жанов придумал и то, как показать в стареньком телевизоре КВН фильм «про заграницу» — «Убийство на улице Данте», ироничный автореверанс режиссера.

— Я снимаю фильм сначала в голове, люблю импровизацию только в рамках рисунка роли, — говорил **Козаков**. — Решений ведь можно предложить миллион. А я как режиссер обязан отвечать за результат. Комучто это, может быть, и не понравится... Может, я и диктатор, но очень

нежный. Я очень люблю актеров...

— У Козакова есть чувство актерского ансамбля, — вспоминает **Инна Ульянова** (та самая, которая «Натюрлих, Маргарита Пална!»). — Это видно по картине. Царила редкая доброжелательность. Все было настолько радостно, быстро, красиво... Мы оставались смотреть, как работают коллеги! Такое радостное время. Подобрались люди, идущие под одним парусом, — одного вкуса, одного чувства юмора. Это актерский, праздничный кинематограф...

Инна Ивановна призналась, что с годами картина ей все более симпатична, хотя вообще-то себя на экране смотреть не любит. И фильм она уже очень давно не видела. Поэтому и озвучка для нее — самая неприятная вещь: «Есть актрисы, которые млеют от себя, а я теряю синхрон».

А вот **Елену Кореневу** уговорила сняться в «Воротах»... ее собственная мама. **Наталья Андреевна Коренева** работала тогда ассистентом режиссера по актерам (кстати, в свое время она помогала и Пыреву). Она надела на дочь: «Миша так хочет тебя снять!». Коренева уже работала с Козаковым, доверяла ему как мастеру... И все-таки долго не решалась стать медсестрой Людочкой — рас-

сматривала его приглашение как дружеский жест, не более.

— Я понимала, что это не мое амплуа, но изначально надеялась на его профессионализм. И не ошиблась. У меня не было ностальгии по тем временам — это картина про поколение моих родителей. Но она мне нравится. Хотя я не предполагала, что зрители меня будут помнить не за роли в «Мюнхгаузене» или «Романсе о влюбленных», а за эту маленькую роль...

Лена сегодня с удовольствием вспоминает коллег по фильму: «Равикович — очень милый человек, кокетливый, пластичный, внимательный ухажер-кавалер. Я подружилась там с **Таней Догилевой**. Раньше мы не были знакомы. Наша дружба стала серьезным хорошим союзом. И вообще тогда много было забавного. Так, как-то пришла домой с катка в большой меховой шубе, а на ней бумажные снежинки. Это нас посыпали на Чистых прудах... Я вообще плохо катаюсь. Но для героини это было очень кстати. И дублеров для меня не потребовалось. На мотоцикле — тоже. В финале коляска отцепляется, мы едем по оживленной

трассе сами по себе, а мотоцикл взлетает...

Было очень азартно и очень страшно. Я должна была встать в коляске, и я встала...

— Мне было легко работать. Все было такое яркое, — говорит **Леонид Бронева**. — После «Семнадцати мгновений» это совершенно другая роль, другой характер, причем без всякого грима...

Миша знал, что я играю на фортепьяно (правда, не знал, что в молодости я писала стихи). И все куплеты мы сочиняли вместе, а затем я подбирала мелодию на рояле. Потом я предложила спеть песню — о том, что все вокруг стало голубым и зеленым... Козаков согласился. И в этом эпизоде очень к месту включался оркестр, а на экране менялось время года.

Мне хотелось создать обобщенный образ мастера эстрады, в котором угадывались бы черты Гаркави, Смирнова-Сокольского, Набатова, Милиявского. Я играл обобщенный тип одинокого веселого пьющего человека, живущего в коммунальной квартире. Да, его уволили за пьянство. Помните, как он кричит в телефонную трубку: «А кто не

пьет?!». Очень смешной человек...

Велюров неоднократно приходилось падать — и не только в мягкий сугроб, — когда он во время прогулки по Патриаршим прудам приревновал Костика-Меньшикова... Козаков, к сожалению, вырезал эпизод, когда, поздравляя поклонников, Велюров оступается в бассейне с вышки. И Догилева его спасает. Бронева говорит, что все умирали со смеху, настолько смешно получилось: «Но Миша посчитал, что это лишнее. Может быть, он и прав...» А для финала Козаков попросил у нас детские портреты. Я дал ему фото себя в возрасте трех лет... Мне кажется, он первым придумал в нашем кино такой небанальный ход...

Марине Дюжевой фильм также нравится, она часто смотрит его на своей кассете. Хотя у нее там лишь маленький эпизод, который занял два часа съемок. Но она с большим уважением отнеслась к задаче, поставленной педагогом (Козаков учил ее на 4-м курсе ГИТИСа): «Сыграй б... по-монастырски». И вот появляется в «вороньей слободке» роковая Анна Адамовна: «Я такая внезапная, такая противоречивая...» Эта фраза и стала крылатым лейблом фильма...

ФИЛЬМ НЕДЕЛИ
**ПОКРОВСКИЕ
ВОРОТА**
ТВ-Центр,
понедельник,
4 января, 19.00

МК-Бульвар. — 1999. —
4-й кв. — с. 18, 19